

Неважное искусство

44-й Международный кинофестиваль в Роттердаме

В Роттердаме проходит 44-й Международный кинофестиваль. Его отслеживает АНДРЕЙ ПЛАХОВ.

У меня неплохой роттердамский стаж. Больше половины этой фестивальной истории знаю лично, по собственным наблюдениям. Сначала это была интимная встреча близких по духу режиссеров вроде Отара Иоселиани и Александра Сокурова. Их фотопортреты красовались на площади, но сами они необязательно так уж дружили. Я видел, как, столкнувшись в дверной вертушке отеля Hilton, два таких режиссера разбежались и разлетелись в разные стороны, чтобы не встретиться лицом к лицу. Тогда в фестивальном кафе давали «салат Кесльёвский» и «бифштекс Кроненберг». Со временем фестиваль стал огромным. Но он по-прежнему креативен и показывает большой куклиш коммерческого кино, находя в качестве альтернативы сотни прелюбопытнейших фильмов из Китая, Бразилии, Кореи, Японии, Аргентины, Таиланда... И иногда даже из России.

В конкурсе дебютных режиссерских работ есть и европейское кино, но оно, как правило, погоды не делает. Вот кипрский фильм «Впечатления утопленника» Кироса Папавасилиу, посвященный греческому поэту Костасу Карнотакису. Он покончил с собой в 1928 году, а действие происходит в наши дни, им движет реинкарнация или навязчивая идея, заставляющая современного героя забыть свое имя и отождествиться с покойным. По ходу дела зритель попадает в музей поэтов-самоубийц, где встречается в числе прочих Маяковского: он предстает в виде механической куклы со страдальческой мимикой и нервным тиком. Своего рода гримасы потустороннего мира. Если исключить это не лишнее юмора авангардное решение, все остальное в картине выполнено по канонам пафосно-поэтического кино, ныне уже давно спясанного в музей киноистории.

Весьма традиционен и голландский конкурсный фильм «Глюкауф»: название происходит от приветствия горняков, означающего «Счастливо вернуться наверх». Дело происходит в голландской провинции, где закрылись шахты, и это стало прокля-

тием для региона: бедность и безработица привели к его криминализации. Главный герой, погрязший в долгах, отрабатывает тем, что накачивает других должников. Для него один свет в окошке — сын, которого он сам воспитал и мечтает удержать в стороне от грязной работы. Однако парень уже погряз в зависимости от денег — самого тяжелого из наркотиков. Хотя в фестивальном каталоге фильм Реми ван Хёгтена сравнивают с шедеврами братьев Дарденн (снимающих почти в тех же краях, только по другую сторону бельгийской границы), сравнение хромает. В голландском фильме все рационально и в то же время сентиментально — в то время как у братьев на самые приземленные бытовые ситуации падает отблеск чего-то божественного и метафизического.

Интригующее молодое кино что ни год появляется в Латинской Америке, все больше при этом феминизируясь. Фильм «Собачья мама» снят аргентинками Лаурой Ситареллой и Вероникой Лынас. Первая в основном стояла за камерой, вторая играла главную (и фактически единственную) роль. Роль женщины, живущей на краю цивилизации, прямо в джунглях, без всяких средств к существованию, в жалкой хибаре со сворой собак. Они вместе ходят на охоту, если так можно назвать неумелые попытки подбить птицу из рогатки. Они честно делят каждую кроху еды, которую удастся добыть из магазинных отходов. Они иногда даже наведываются в места развлечений окрестной молодежи, которая тупо гоняет в пыли на машинах и мотоциклах. И снова уходит в свою хибару, вдале от людей, которые им по большому счету чужды. У них свой гармоничный мир. Отношения хозяйки и ее подопечных полны такой нежности и взаимопонимания, что не возникает сомнений в том, что это ее собаки: тут не обойдешься самой профессиональной дрессурой. Между тем все это сыграно, и четвероногими исполнителями тоже. Самая душераздирающая сцена картины, когда «собачья мама» пытается спасти выброшенного на умирание старого пса, а собаки ждут, решится она взять еще одного нахлебника или нет. Когда вопрос решается положительно, собака

На фестивале в Роттердаме показали «Глюкауф» — драму Реми ван Хёгтена о голландских шахтерах в поисках лучшей доли

ФОТО IFFR.COM

уже мертва. Во второй половине фильма мы становимся свидетелями того, как героиня, отказавшись от медицинской помощи, буквально сгорает от болезни, в финальных кадрах она падает, кажется, бездыханная на дальнем плане. А потом встает и продолжает свой путь в окружении преданной стаи. Она не может умереть, потому что ей не на кого оставить своих «детей».

Другой фильм называется «Одни» и снят перуанкой Джоанной Ломбарди. Это ее вторая картина; первая была довольно успешной, получила много фестивальных наград, но в кинотеатрах прошла быстро и незаметно. Фильм, работа над которым заняла несколько лет, в который было вложено столько душевных и физических сил, через неделю проката канул в небытие. Это горькое чувство кинорежиссера и отразилось в картине «Одни». В ней четверо героев — женщина-режиссер и трое мужчин, ее сотрудников и друзей. Вместе они сделали кино и теперь едут через джунгли по деревням, чтобы бесплатно показывать его людям на большом надувном экране. По дороге они непрестанно болтают — обо всем на свете, в том числе о сексе, и немного о кино. Поход по перуанским джунглям завершается на минорной ноте. Кино оказалось почти никому не нужным, за месяц горепрокатчики собрали человек сто зрителей. Вечером на поляне они разворачивают экран и смотрят фильм вчетвером — одни, это превращается в почти сакральный ритуал. Таковы они — герои современного авторского кинематографа, у которого все меньше и меньше зрителей, все меньше места в кинотеатрах, которое, кажется, умирает. Но это только кажется. И тот же самый фильм Джоанны Ломбарди в Роттердаме шел в большом полномном зале, из которого почти никто не вышел во время просмотра. Фестиваль по-прежнему остается Меккой для тех, кто предан религии чистого кино.

ЯРМАРКА ИСКУССТВО

Каждому по всевозможности

В Брюсселе открылась BRAFA

В выставочном комплексе **Tout & Taxis** с 24 января до 1 февраля проходит **BRAFA** — одна из старейших в Европе Брюссельская ярмарка искусства. В нынешнем году она отмечает 60-летний юбилей, и этот возраст ей клицу — ярмарка явно в периоде расцвета. Из Брюсселя — ТАТЬЯНА МАРКИНА.

На ярмарке представлены 126 галерей из 15 стран (из них 51 бельгийская) и четыре тысячелетия мирового искусства. Диверсифицируйте — такой совет дает посетителям ярмарки ее президент, бельгийский антиквар Харольд т'Кинт де Роденбеке. И хотя таким образом он уклоняется от ответа на вопрос, в какой раздел искусства сейчас наиболее выгодно инвестировать, совет вполне уместен. И ярмарка BRAFA очень подходит для его воплощения. Тут представлены все возможные эпохи, виды и разделы антиквариата и современного искусства, все техники и все материалы. И все это в широчайшем диапазоне цен — от €1 тыс. до €1 млн. Есть работы и дороже — ярмарка сейчас неуклонно повышает свой статус и уровень представленного искусства, но это скорее исключения.

Среди самых дорогих полотен на BRAFA — модернисты

ФОТО BRAFA 15/EMMANUEL CROOY

Трудно представить страну, более подходящую для коллекционирования, чем Бельгия. Может быть, хранить искусство удобнее в Швейцарии, а зарабатывать на нем — в Нью-Йорке, но владеть и наслаждаться искусством приятнее всего в Бельгии. И дело даже не в отсутствии налога на богатство, в последние годы привле-

шего сюда и продавцов, и покупателей из соседней Франции. Тут столетние традиции приобретения и обладания искусством: как здесь говорить, каждый бельгиец — коллекционер по рождению. Понимать искусство и покупать искусство тут принято, это хороший тон. Ему не обязательно быть дорогим, но оно должно быть, должно окружать каждого — от короля до простого обывателя в его повседневной жизни. Исторически тут собирают искусство Африки и Океа-

В прокат выходит драма Беннетта Миллера «Охотник на лис». Рецензия — в следующем номере „Ъ“

Солнце греческой эстрады

Скончался Демис Руссос

НЕКРОЛОГ

Демис Руссос (полное имя — Артемиос Вентури Руссос) родился в египетской Александрии в семье певицы и гитариста, большая часть его жизни и карьеры связана с Францией, а умер он в краю своих предков, в стране, для которой его песни стали визитной карточкой. Его сердце перестало биться в Афинах. О смерти Демиса Руссоса сообщила дочь, но подробности прессе не известны.

Карьера Демиса Руссоса началась с феноменального взлета на волне прогрессив-рока вместе с группой Aphrodite's Child. Освоив в египетской музыкальной школе гитару, трубу, контрабас и орган, Демис Руссос переехал вместе с родителями в Грецию, где юный музыкант сошелся с Эвангелосом Одиссеасом Папафанасиу, позже известным миру как Вангелис. Вместе с ним и Лукасом Сидерасом он вошел в состав группы The Idols, а также играл в кавер-бенде We Five. Группа Aphrodite's Child, в которую входил также Анагирис Кулурис, всерьез заявила о себе в 1967 году, а когда в Греции пришли к власти «черные полковники», считавшие рок-музыку «либеральной заразой», Вангелис решил, что пора двигаться в Лондон. Однако по дороге в музыкальную Мекку амбициозные греки застряли во Франции — у них не было правильно оформленных разрешений на работу в Англии, к тому же в охваченном революционными настроениями Париже бастовало все, что могло бастовать.

Оказалось, что вынужденная остановка даже к лучшему. В Париже Aphrodite's Child подписали первый контракт и выпустили сингл «Rain And Tears» — переработанный «Канон в ре мажор» Иоганна Пахельбеля. Записанная на английском языке песня стала хитом во Франции и ряде стран Европы. Выпущенный в октябре 1968 года дебютный альбом Aphrodite's Child «End Of The World» мгновенно поставил группу в один ряд с такими звездами поп-прогрессива, как Procol Harum и The Moody Blues. Демис Руссос на этом альбоме играл на гитарах и басу. А еще Европа услышала его уникальный тенор.

Три альбома, выпущенные Aphrodite's Child, стали классикой прогрессив-рока. Формально в качестве группы квартет работал всего около трех лет. Последний диск Aphrodite's Child, выпущенный перед окончательным распадом группы, назывался «666» и был создан под влиянием «Откровения Иоанна Богослова», что произвело большое впечатление, например, на Сальвадора Дали. К этому моменту Демис Руссос уже активно работал над сольным материалом, в 1971 году вышел один из его вечнозеленых шлягеров — «We Shall Dance». Впоследствии Вангелис и Руссос не раз оказывались вместе в студии. Несомненная классика дуэта — вокальная адаптация музыкальной темы Вангелиса из английского фильма «Огненные колесницы» (1981), а также вокальные эпизоды саундтрека к «Бегущему по лезвию бритвы» (1982) Ридли Скотта. Однако главной работой Демиса Руссоса в 1970-х — начале 1980-х было создание собственного поп-материала, сразившего наповал публику в континентальной Европе и даже в Великобритании. Песня «Forever And Ever» с характерным средиземноморским звучанием в 1976 году возглавила английский чарт. Ирония судьбы состоит еще и в том, что Руссос оказался первым артистом, рожденным в Африке, возглавившим хит-парад королевства. В 1976 году на BBC даже сняли фильм о талантливом греке — «Феномен Руссоса». Не часто бывает, что вкусы британцев, живущих в рок-н-ролльном ритме, сходятся в чем-то со вкусами гедонистически настроенных южан. А «Forever And Ever» — это в общем-то типичный греческий кабак, как и большинство прославивших Руссоса вещей.

К июню 1980 года Демис Руссос весил 147 кг и выходил на сцену в объемных балахонах с экзотическим узором. Именно в этом образе его и узнала советская публика. Демис

Руссос для наших сограждан был существом той же породы, что и Адриано Челентано или Далида, — люди из прекрасного солнечного далека, в чьих песнях разлиты вино и солнце. На танцплощадках звучали его «Forever And Ever», «My Only Fascination», «Lovely Lady Of Arcadia», «Goodbye My Love, Goodbye» и, конечно, самая популярная песня Руссоса в СССР — «From Souvenirs To Souvenirs». Стоит отметить, что, как это часто бывает с большими западными звездами, у нас их любят немного не за то, за что любят на родине. «From Souvenirs To Souvenirs» Руссос вообще не рассматривал как международный хит. В 1990-е годы автору этих строк довелось участвовать в организации одного из первых концертов Руссоса в бывшем СССР и пришлось объяснить ему, что без «Сувенира» люди его не отпустят, а потом найти на пиратском CD двухминутную версию песни, обрывающуюся на половине куплета: Руссос исполнил ее под фонограмму, которой не брезговал во время часа по постсоветским территориям.

Пока советские граждане судачили на тему природы необычного вокала тучного греческого певца, он всерьез изучал разнообразные диеты и в конце концов сбросил 50 кг за десять месяцев, а потом еще и написал об этом книгу, ставшую, конечно, бестселлером. В середине 1980-х, на пороге пятого десятка, у Демиса Руссоса было все, чтобы до конца жизни двигаться, повинаясь инерции популярности: грандиозные поп-хиты, причастность к рок-легенде и история волшебного исцеления, понятная даже тем, кто не слышал его песен. Но его биография суждено было пополниться еще одним сильным эпизодом. В 1985 году он оказался среди заложников на борту Boeing, который захватили на маршруте Афины — Рим террористы из «Хезболлы». Требования террористов состояли в том, чтобы 700 ливанских заключенных были освобождены из израильских тюрем в обмен на жизни пассажиров. В течение всего пребывания в плену Руссосу пришлось петь для террористов, но его жизнь и жизнь его невесты остались вне опасности.

Творчество Демиса Руссоса 1990-х гораздо менее популярно в наших краях, нежели хиты 1970-х, слушатели вспоминают разве что неожиданный прорыв в сторону classical crossover — «Адажио Альбинони», но его карьера не стояла на месте. Певец так или иначе напоминал о себе в Европе. Однако старых шлягеров ему хватало, чтобы расхитить рынок постсоветских стран — стать регулярным гостем разнообразных ретрофестивалей и желанным гастролером. Эта часть его биографии состояла из бесконечных гастролей ностальгического толка. Голос певца утасол, но это не мешало восторженным зрительницам рукоплескать кумиру юности в лучших залах бывшего Советского Союза. В 2009 году Демис Руссос неожиданно выпустил альбом «Demis», полный жизнелюбивых тем, которые были исполнены на грани рока и соула и вызывали ассоциации с Джо Кокером и поздним Яном Пилланом. Альбом, конечно, никто не заметил. А последняя песня называлась «Who Gives A Fuck».

Борис Барабанов